

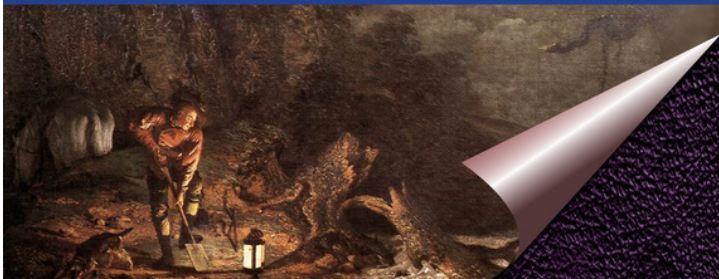
Вашингтон Ирвинг

Легенда о Сонной Лощине

Перевод с английского
Анания Бобовича

ФТМ

Вашингтон Ирвинг

Легенда о Сонной Лощине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8707167

Легенда о Сонной Лощине: 2015

ISBN 978-5-4467-1371-4

Аннотация

Вашингтон Ирвинг – первый американский писатель, получивший мировую известность и завоевавший молодой американской литературе «право гражданства» в сознании многоопытного и взыскательного европейского читателя, «первый посол Нового мира в Старом», по выражению У. Теккерея. Ирвинг явился первооткрывателем ставших впоследствии магистральными в литературе США тем, он первый разработал новеллу, излюбленный жанр американских писателей, и создал прозаический стиль, который считался образцовым на протяжении нескольких поколений. В новеллах Ирвинг предстает как истинный романтик. Первый романтик, которого выдвинула американская литература.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Вашингтон Ирвинг

Легенда о Сонной Лощине

Из бумаг покойного

Дитриха Никкербоккера

*Был это мир, влекущий нас в мечту
Виденье сонных глаз; манящий край
Воздушных замков в облачных грядях.
Небесной синевы летучих стай.*

Джеймс Томсон. «Замок Лени».

В глубине одной из тех просторных бухт, которыми изрезан восточный берег Гудзона, там, где река раздается вширь, – в старину этот разлив был окрещен голландскими мореплавателями Таппан-Зее,¹ причем здесь они всегда предусмотрительно убрали часть парусов и молились св. Николаю о заступничестве и покровительстве, – лежит небольшой торговый поселок, или, вернее, сельская пристань, именуемая при случае Гринсбургом, хотя точное и общеупотребительное название ее – Тарри-Таун.² Нам расска-

---

¹ Таппанское озеро (голл.)

² С трудом поддастся переподу, нечто вроде: «Мешкай-город». В действительности это название является, как полагают, искажением голландского Tawen Dorp, то есть «Пшеничная гавань».

зывали, что она была прозвана так во дни оны почтенными кумушками здешнего края, отметившими таким образом застарелую склонность своих супругов застревать в базарные дни в деревенском трактире. Как бы то ни было, не ручаясь за достоверность этого объяснения, я привожу его здесь потому, что стремлюсь к точности и достоверности. Неподалеку от деревни, в каких-нибудь двух-трех милях, находится небольшая долина, или, вернее, лощина, окруженная высокими холмами и являющаяся одним из самых безмятежных и мирных уголков на всем свете. По ее дну скользит ручеек, баюкающий и навевающий дрему; случайный свист перепела да «тук-тук» зеленого дятла – вот единственные звуки, нарушающие ее неизменную тишину.

Вспоминаю, что в дни юности именно здесь, в роще, прикрывающей один из склонов лощины, среди высоких ореховых деревьев, я застрелил свою первую белку. Дело было в послеполуденный час, когда природа особенно тиха, так что меня самого испугал громкий выстрел моего ружья, прервавший торжественное безмолвие и к тому же продленный и повторенный сердитым эхом. Если я затоскую когда-нибудь об убежище, в котором я мог бы укрыться от мира и его суетности и погрезить в тиши остаток моей беспокойной жизни, то мне не найти уголка более благословенного, чем эта маленькая лощина.

Благодаря своей безмятежности и тишине, а также некоторым особенностям в характере обитателей, кста-

ти сказать — потомков первых голландских переселенцев, этот уединенный дол издавна именуется Сонной Лощиной, и местных парней величают в окрестности не иначе, как «соннолощинскими». Кажется, будто над этой землей витают какие-то клонящие долу дремотные чары, которыми насыщен тут самый воздух. Иные толкуют, что долина была околдована в первые дни поселения одним высокоученым немецким доктором, тогда как другие настаивают, будто, еще до открытия этого края мастером Гендриком Гудзоном, здесь устраивал шабаши престарелый индейский вождь, прорицатель и колдун своего племени. Несомненно однако, что это место и поныне продолжает пребывать под каким-то заклятием, заворожившим умы его обитателей, живущих по этой причине среди непрерывных грез наяву. Они любят всяческие поверья, подвержены экстатическим состояниям и видениям; пред ними зачастую витают необыкновенные призраки, они слышат какую-то музыку и голоса. Вся округа изобилует местными сказаниями, «нечистыми» местами, темными суевериями; над лощиною чаще, чем где-либо, полыхают падающие звезды и метеоры; водится здесь, как кажется, и ночной кошмар со всем своим многочисленным мерзким отродьем.

Главный дух из числа посещающих этот зачарованный уголок — он же, по-видимому, и главнокомандующий всего сонма воздушных сил — некий Всадник без головы. Говорят,

будто это — тень одного гессенского кавалериста,³ которому в какой-то безымянной битве революционной войны пушечное ядро оторвало голову и который время от времени, словно на крыльях ветра, проносится в ночном мраке перед местными жителями. Его видят, впрочем, не только в долине, но порою и на окрестных дорогах в особенности около расположенной невдалеке церкви. И действительно, некоторые из наиболее достойных доверия историков этого края — они со всею возможною тщательностью собрали и сличили сбивчивые рассказы о призрачном всаднике — утверждают, что тело кавалериста погребено внутри церковной ограды, а дух его рыщет ночами по полю сражения в поисках оторванной головы, так что быстрота, с которою он, подобно порыву ночного вихря, мчится подчас вдоль Сонной Лощины, вызвана его опозданием и необходимостью возвратиться в ограду до первого света.

Таково, в общих чертах, содержание суеверной легенды, послужившей основой для множества странных историй, распространенных в этом царстве теней; что же касается призрака, то он известен у всех камельков округи как Всадник без головы из Сонной Лощины.

Примечательно, что склонность к сверхъестественному,

---

³ Во время освободительной войны американских колоний (1775–1783), закончившейся отделением этих колоний от Англии и образованием Соединенных Штатов Америки, в рядах английских войск сражались довольно многочисленные отряды гессенцев, «уступленных» англичанам, разумеется, за известную мзду, герцогом Гессен-Дармштадтским (Германия).

о которой я упоминал выше, свойственна не только уроженцам долины, — она неприметным образом захватывает всякого, кто поживет в ней известное время. Как бы трезв и рассудителен до переселения в эту дремотную местность ни был пришелец, можно не сомневаться, что в скором времени он тоже подпадет влиянию чар, носящихся в воздухе, и станет великим мечтателем — будет подвержен видениям и грезам.

Я упоминаю об этом тихом и безмятежном уголке со всяческой похвалой; в этих маленьких забытых голландских долинах, разбросанных по обширному штату Нью-Йорк, ни население, ни нравы, ни обычаи не претерпевают никаких изменений. Великий поток переселений и прогресса, непрерывно меняющий облик других областей нашей беспокойной страны, проходит здесь совсем незамеченным. Долины эти подобны крошечным заводам у берегов бурных ручьев, заводам, где можно видеть, как соломинка или пузырек воздуха стоят себе мирно на якоре или медленно кружатся в игрушечной бухточке, не задеваемые порывом проносящегося мимо течения. И хотя с тех пор, как я бродил среди дремотных теней Сонной Лощины, миновало немало лет, я все еще спрашиваю себя, не произрастают ли в ее богоспасаемом лоне все те же деревья и те же семьи?

В этом затерянном уголке, в отдаленный период истории Штатов, иначе говоря — лет тридцать назад, проживал весьма достойный молодой человек по имени Икабод⁴ Крейн,

---

⁴ Икабод — редко встречающееся мужское имя библейского происхождения,

который поселился, или, как он имел обыкновение выражаться, «задержался» в Сонной Лощине в целях обучения окрестных детей. Он происходил из Коннектикута – штата, который, снабжая всю федерацию пионерами не только в обычном смысле этого слова, но и такими, что вспахивают мозги, ежегодно шлет за свои пределы легионы корчующих пограничные леса колонистов и сельских учителей. Фамилия Крейн⁵ довольно хорошо подходила к его наружности. Это был высокий, до крайности тощий, узкогрудый и узкоплечий парень с большими руками и такими же точно ногами: кисти рук вылезали у него на целую милю из рукавов, ступни легко могли бы сойти за лопаты, да и вся фигура его была на редкость нескладной. Он был обладателем крошечной, приплюснутой у макушки головки, огромных ушей, больших зеленых и как бы стеклянных глаз, длинного, как у кулика, носа – ни дать ни взять флюгер в образе петушка, красующийся на спице и указывающий направление ветра. Когда в ветреный день в раздувающейся, как парус, одежде он крупными шагами спускался по склону холма, его можно было принять за сходящего на землю гения голода или пугало, сбжавшее с кукурузного поля.

Его школа представляла собою низкое, сложенное из бревен здание, состоявшее из единственной большой горницы; окна ее были частью застеклены, частью заклеены листами

обозначающее в переводе с древнееврейского «несчастливый», «бедняга».

⁵ Крейн (Crane) – журавль (англ.)

старых тетрадей. В часы, когда не было занятий, школа охранялась при помощи прикрученного к дверной ручке ивового прута и подпирающих оконные ставни кольев, так что вора, которому было очень легко проникнуть в нее, ожидали при выходе некоторые препятствия. Вполне возможно, что идея этого хитроумного приспособления была внушена строителю школы Иосту ван Гуттену таинственным устройством снасти для ловли угрей. Школьный дом был расположен в глухом, но красивом месте. Он стоял у подножия поросшего лесом холма; поблизости протекал ручеек, и тут же росла устрашающего вида береза. В знойный летний день, когда, кажется, засыпает сам воздух, оттуда доносился приглушенный гул – ученики Икабода зубрили уроки, – напоминавший жужжание пчел и прерываемый время от времени властным окриком самого наставника (то было приказание или угроза), а при случае и жутким свистом березовых прутьев, подгонявших какого-нибудь бездельника, замешкавшегося на усыпанной розами стезе знания. Необходимо отметить, что наш педагог был человек добросовестный и постоянно хранил в памяти драгоценное правило: «Кто жалеет розгу, тот портит ребенка». Ученики Икабода Крейна, поверьте мне, испорчены не были.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.